

RUSSIAN INSTITUTE OCCASIONAL PAPERS

ВЛАДИМИР С. ВОИТИНСКИЙ
ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОВЕТ БЕЗРАБОТНЫХ
1906-1907

PETERSBURG COUNCIL OF THE UNEMPLOYED
VLADIMIR S. VOITINSKY

The RUSSIAN INSTITUTE of Columbia University sponsors the Studies of the Russian Institute and the Occasional Papers in the belief that their publication contributes to scholarly research and public understanding. In this way the Institute, while not necessarily endorsing their conclusions, is pleased to make available the results of some of the research conducted under its auspices. A list of both series appears at the back of the book.

The original manuscript is deposited in the Department of Special Collections, Butler Library, Columbia University

Copyright © 1969
The Trustees of Columbia University
in the City of New York
L. C. Card: 69-17389

ГОС. ПУБЛ. БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАД
1969/14

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: ЭММЫ С. ВОЙТИНСКОЙ.....	1
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БОРЬБА ЗА ХЛЕБ И РАБОТУ.....	1
Глава первая. Начало безработицы в Петербурге (1905 г.).....	1
1. Ноябрьский локаут.....	1
2. Комиссия Безработных.....	2
3. Рабочие и Городская Дума.....	4
Глава вторая. Первая кампания за хлеб и работу (март-апрель 1906 г.).....	7
1. Положение безработных в начале 1906 г.....	7
2. Начало движения безработных.....	8
3. Первые успехи.....	10
4. Совет Безработных и С-Д партия.....	15
Глава третья. Городская Подготовительная Комиссия о Безработных (апрель-июнь 1906 г.).....	18
1. Деятельность Комиссии.....	18
2. Развитие Совета Безработных.....	21
3. Регистрация безработных.....	25
4. Безработица 1906 г. по данным регистрации.....	29
5. Непосредственная помощь безработным.....	31
6. План общественных работ.....	38
7. Два способа производства общественных работ.....	42
Глава четвертая. Вторая кампания за хлеб и работу (июнь 1906 г.).....	46
1. Положение в июне 1906 года.....	46
2. Рабочие в Городской Думе 12 июня 1906 г.....	50
3. Депутация 14-го июня 1906 г.....	54
4. Результаты второй кампании.....	57
Глава пятая. Совет Безработных и рабочее движение (июнь-июль 1906 г.).....	62
1. Помощь безработным летом 1906 года.....	62
2. Совет Безработных и стачки.....	65
3. Конфликт на городском водопроводе.....	69
4. Забастовка булочников.....	71
5. Забастовка каталей.....	72
6. Отклики забастовки каталей.....	75

ВСТУПЛЕНИЕ

Автор истории Петербургского Совета Безработных, Владимир Савельевич Войтинский, написал ее после побега из тюрьмы в октябре 1907-го года. Он был арестован на заседании Исполнительного Комитета Совета Безработных вместе с другими членами 15-го октября. Некоторые члены Комитета начали уговаривать его в необходимости его побега из тюрьмы для того, чтобы он организовал новые выходы Комитета и, таким образом, Совет, обезглавленный после ареста его вершущих, мог бы продолжать свою работу. Этот побег описан автором в его воспоминаниях. 1) Однако, после побега оказалось, что продолжать работу в качестве председателя Совета Безработных было невозможно, так как его узнавали на каждом шагу. Тогда он перебрался в Финляндию, где в то время скрывались многие политические деятели, в том числе Ленин.

В этой глуши мой муж 2) решил написать историю движения безработных в Петербурге и оценить его возможности, политический смысл, достижения и ошибки. Для этого он вытребовал протоколы заседания Петербургской Городской Думы и все отчеты заседаний Исполнительного Комитета Совета Безработных, уцелевшие от полицейских обысков. В mimeографированном виде эта рукопись составляет 375 страниц большого формата.

Издательство Глаголева приняло эту рукопись к печати, но было разгромлено полицией. Копия этой рукописи сохранилась. И когда автор уехал в Екатеринослав для продолжения политической работы, он оставил эту копию у его родителей, где она пролежала десятки лет. Сам автор был вскоре арестован в Екатеринославе и приговорен - за принадлежность к Социал-Демократической партии - к четырем годам каторги и бессрочной ссылке в Сибирь по окончании тюремного срока. Когда много лет спустя он писал свои воспоминания в Берлине, он рассказал в них о движении безработных очень сжато, обещая описать его более

- 1) "Годы Побед и Поражений", книга вторая: "На Ущербе Революции", Берлин, издательство Э.И. Грехебина, 1924 г. стр. 241-47; "Wehe den Besiegten" Büchergilde, Берлин, 1933, стр. 114-19; "Stormy Passage", Vanguard Press, New York, 1961, стр. 142-44.
- 2) Мы встретились и поженились много лет позже, в Иркутске, куда он был сослан после четырех лет каторги. (См. Emma S. Woytinsky, "Two Lives in One", Frederic A. Praeger, New York, 1965.)

обстоятельно в будущем. 1) Однако, мой муж не написал заново историю движения безработных, но развил странички, посвященные ему в русских воспоминаниях, когда я переводила эту книгу на немецкий язык. 2) Еще раз он вернулся к этой теме в последний год жизни, когда он писал свои воспоминания на английском языке, подводя итоги своей бурной жизни, до избытка заполненной научной и общественной работой. 3)

Таким образом, рукопись о Совете Безработных, написанная в 1907 году, осталась до сих пор не напечатанной. В настоящем издании она предлагается без каких бы то ни было изменений, за исключением чисто технических поправок. Движение безработных в Петербурге в 1906-1907 г.г. После подавления революционных волнений осенью 1905 года царское правительство начало, наряду с другими репрессивными мерами, "очищать" столицу от неблагонадежных элементов, в том числе от рабочих, которые принимали активное участие в политической борьбе. Начались закрытия заводов и фабрик, и увольнения рабочих и с казенных заводов, и с частных промышленных предприятий, при энергичном поощрении со стороны государственных властей.

Уволенные рабочие, вместе с их семьями, были фактически брошены на произвол судьбы: в то время не было страхования от безработицы или каких-нибудь других форм общественной помощи. Мало кому удалось найти даже случайную работу, так как уволенные были занесены в черные списки, как "бунтовщики" или "забастовщики", что ставило крест на надежде найти работу не только в Петербурге, но и в других городах. Кое-кто из безработных покинул столицу и вернулся в свою деревню. Другие начали закладывать или распродавать свое скромное имущество, и бросились в Совет Рабочих Депутатов за помощью.

- 1) "На Ущербе Революции" на стр. 19 автор пишет: "...и в памяти участников его (движения безработных) никогда не сотрутся картины борьбы за "хлеб и работу".... Мне пришлось в течение двух лет принимать близкое участие в этом движении в качестве председателя Совета Безработных, и в другом месте я постараюсь восстановить все, что я видел и пережил на этой работе". Но это особая тема, слишком большая, слишком сложная и слишком близкая мне, чтобы касаться ее попутно в рамках общих воспоминаний. В нескольких местах этой книги автор возвращается к этой теме, когда она непосредственно связана с ходом рассказа, но всегда в сжатой форме.
- 2) "Wehe den Besiegten" авторизованный перевод Эммы Войтинской и Фридриха Шломера, Büchergilde, Берлин, 1933. Кроме трехсот экземпляров, отправленных в день выпуска книги в швейцарское отделение издательства, все остальные номера были сожжены на авто-да-фе гитлеровцев. Книга вышла после вступления Гитлера во власть и была немедленно изъята из обращения. Странички, посвященные движению безработных: 18-32; 43-54; 59-65; 83-88; 103-109. "Stormy Passage."
- 3) "Stormy Passage", стр. 99-105; 110-14; 117-18; 131-33; 136-40.

Вместе с Союзом Инженеров и Техников, Совет Рабочих Депутатов открыл ряд столовых, где безработные получали бесплатные обеды. В начале 1906 года таких столовых было 24 и они выдавали 3,500 обедов в день, но средства этих организаций подходили к концу.

Безработные проводили почти целый день в этих столовых; каждый предлагал что нибудь другое, но все они не знали, что делать, как найти хоть какой нибудь заработок. В этих столовых побывал несколько раз Евгений Литкенс, товарищ моего мужа по университету и по поездке в деревню для агитации, во время которой они были избиты крестьянами и чуть не погибли¹⁾.

Евгений рассказал своему другу о впечатлениях, которые он вынес из разговоров с безработными, и предложил ему вместе пойти туда. Они обошли ряд столовых и побеседовали с безработными. Мой муж, потрясенный их отчаянием и беспросветной нуждой, тут же предложил две меры: образовать Совет Безработных путем выбора представителей от каждой столовой и ознакомить население столицы с положением безработных. Там же, в столовой, он написал воззвание, которое ему удалось поместить в одной из газет. Воодушевленные и благодарные безработные в несколько дней выбрали своих депутатов от 24-х столовых, и на первом же собрании организовали Совет Безработных и сделали автора воззвания председателем Совета.

Первым предложением председателя было отправить делегацию в Городскую Думу и добиваться от нее хлеба и работы. Это предложение было принято единодушно, и началась подготовительная работа. Председатель Совета Безработных проводил все дни в столовых, знакомился с положением в различных районах города и на разных предприятиях, и затем описывал свои впечатления в статьях для газеты: ему удалось найти, после многих попыток, одну небольшую газету (Призыв), редактор которой согласился поместить его материал о положении безработных из дня в день. В то время в городе распространились слухи о том, что городская администрация вела переговоры с иностранной фирмой об установке электрического трамвая взамен конки. В своих статьях председатель Совета передавал эти слухи и описывал обиду и возмущение безработных на готовность городских властей передать такие значительные работы иностранцам, когда местные рабочие и их семьи умирают с голоду. Время от времени эти заметки просачивались и в другие газеты, и авторитет председателя Совета среди безработных рос с каждым днем, а с этим росла их наивная вера, что он поможет им добиться работы.

¹⁾ Эта поездка описана моим мужем в его воспоминаниях: "Годы Побед и Поражений", книга первая, 1905-ый год, стр. 282-360. Евгений так и не оправился и, промучавшись два года, умер. Муж, которому крестьяне собирались выколоть глаза, чтобы обезвредить его, пострадал меньше, но шрам от удара в левый глаз сохранился навсегда. См. также в авторизованном переводе на немецкий язык, "Der Erste Sturm", стр. 168-215, и в "Stormy Passage", стр. 62-84.

На страницах этой книги подробно рассказаны подготовка Советом делегации безработных в Городскую Думу, провал первой делегации 28-го марта, подготовка новой делегации с учетом ошибок, сделанных в прошлый раз, и выработка строгих инструкций, как вести себя всей делегации и каждому делегату в отдельности. Скажу здесь только, что делегация Совета Безработных добилась от Городской Думы обещания открыть и общественные работы, и столовые для бесплатных обедов, и даже денежной помощи для квартирной платы.

Эта победа была временной. Городская Дума оттягивала общественные работы, и требовалось непрекращающееся давление со стороны Совета Безработных, чтобы добиться повторных ассигновок на содержание столовых. В виду этого, Совет старался укрепить свою организацию всеми доступными способами, чтобы заставить городскую администрацию выполнить свои обещания хотя бы в сокращенном размере. В этом отношении делегации Совета Безработных в Городскую Думу в июне 1906-го года сыграли большую роль.

Движение безработных и социал-демократическая партия. Борьба петербургских безработных за общественные работы, которая растянулась почти на два года, не была до сих пор описана и не оставила следа в русской политической литературе по той простой причине, что руководитель этого движения был единственным интеллигентом среди многих тысяч безработных и, конечно, единственным писателем. С первого до последнего дня Совета Безработных, который был его детищем, он оставался его бессменным председателем и единственным руководителем движения, хотя он несколько раз предлагал выбрать себе заместителя. Как это ни покажется странным, никто из членов социал-демократической партии, к которой мой муж принадлежал, не заинтересовался этим движением настолько, чтоб принять в нем активное участие. Больше того, в начале борьбы за общественные работы, обе фракции этой партии высказались против нее самым решительным образом: меньшевики потому, что видели в ней большевистскую авантюру, обреченную на неизбежный провал, и потому чреватую тяжелыми последствиями для всего социалистического движения (мой муж принадлежал тогда к большевистскому крылу партии). Большевики отвергали борьбу за общественные работы потому, что, по их мнению, было политически правильнее вывести голодных и на все готовых людей на улицу и их отчаянными действиями напугать правительство и буржуазию, чем добиваться работы для безработных и, тем самым, примирять их с существующим строем. Вдобавок, требование "хлеба и работы" было постоянным лозунгом анархистов, неприемлемым для социал-демократов.

Чтобы понять отрицательное отношение партии к этому движению, следует вспомнить, что все социалистическое рабочее движение проявлялось до того в двух определенных формах - в политической борьбе против государственной власти и в экономической борьбе против предпринимателей, главным

формула также объясняет почему он продолжал оставаться руководителем движения безработных, отказываясь от университета, от научной работы, столь блистательно начатой, от родных, хотя он ясно видел все возрастающую безнадежность положения....

Справедливость требует отметить, что та же масса, которая легко поддавалась самым опасным и безответственным призывам к нападению на депутатов и инженеров, трагически кончившимся убийством двух инженеров на работах, выносила, под влиянием Совета резолюцию об отчислении с заработков, в пользу тех безработных, которые не попали на работы. Если сборы происходили не всегда регулярно, то скорее по небрежности депутатов в собрании отчислений, чем от нежелания их делать.

х х х х

Есть еще много интересных моментов в истории движения безработных в Петербурге, интересных и с политической, и с человеческой точки зрения. Но я отсылаю читателя к изложению этой истории, как она описана на страницах этой книги, и перейду к личности того, кто создал это движение и руководил им от начала до конца, моему мужу, Владимиру Савельевичу Войтинскому, пользовавшемуся в то время партийным псевдонимом, Сергей Петров.

В.С. Войтинский родился в очень культурной, интеллигентной семье. Его отец был выдающимся профессором математики; его мать, окончившая среднее учебное заведение, что было редкостью в то время среди женщин, владела иностранными языками; его дядя, по матери, был одним из редакторов известного журнала *Рассвет*. Родители считали, что дети - их было четверо - лучше успеют в науках при преподавании на дому, с регулярно приходящими учителями. Кроме того, немецкая бонна жила в семье постоянно, а гувернанткой была один год француженка, а следующий год англичанка. Еще в детстве автор обнаружил большие способности к математике, но когда ему стало пятнадцать лет, отец сказал ему, что математический факультет ему ничего не даст, так как он уже овладел полным университетским курсом. Тогда мальчик набросился на политическую экономию, читая в оригинале иностранных авторов (Джевонса, Рикардо, Маркса, Зомбарта, Шарля Жюль и других). Прежде, чем ему исполнилось восемнадцать лет, он начал писать книгу по теории потребления.

Перед поступлением в С.Петербургский Университет, он послал законченную рукопись почти в тысячу страниц, написанную от руки, на отзыв профессору М.И.Туган-Барановскому. К счастью, рукопись была написана бисерным почерком; к тому же пишущие машинки были редкостью шестьдесят лет тому назад. Туган-Барановский принял автора-гимназиста за профессора политической экономики. Удивился, что не видал его печатных трудов и справился, где именно он преподавал. Узнав, что книга была написана гимназистом, он послал ее своему издателю и снабдил ее своим предисловием, в котором не упоминает возраста автора книги и трактует его, как зрелого экономиста. 1)

1) **РЫНОК И ЦЕНЫ**, Теория Потребления, Рынка и Рыночных Цен, с предисловием М.И. Туган-Барановского, (См.прод.на сл.стр.)

Поступив в университет осенью 1904 года В.С.Войтинский записался в семинар проф. В.Святловского, где скоро стал известен как "марксист". Он был сторонником психологической теории ценности, и со всей энергией защищал ее против сплоченной атаки университетских марксистов, обвинявших его в мелко-буржуазных взглядах - почти что оскорбительное обвинение по тем временам. Еще до появления в печати его книги о теории потребления, он напечатал свою первую статью "Этическое начало о хозяйственной жизни". 1) На Рождество молодой студент уехал с отцом в Италию и Германию, где его застали события 9-го января 1905 года. Сообщения из России в иностранных газетах были сумбурные и показали ему, что он ничего не знал о том, что происходило в его родной стране. По возвращении в Петербург, он стал следить за развивавшимися событиями: забастовка в университете, железнодорожные забастовки, рабочие беспорядки, поражения на военном фронте, успехи японцев, красный флаг над "Потемкинским Таврическим", манифест о созыве Государственной Думы. Как он описывает в первой книге "Побед и Поражений":

« Было что-то захватывающее, величественное и вместе с тем бесконечно трогательное в... самопожертвовании тысяч простых, малообразованных людей во имя спасения страны от душасшего ее самодержавного строя. Рядом с величием этих жертв, рядом с выступлением рабочих масс, незначительной, почти жалкой казалась роль других общественных групп. 2)

издатель М.В. Пирожков, Санкт-Петербург, 1906, 352 стр. В 1965 г. эта книга была напечатана по-английски в моем переводе и с дополнительным предисловием Я.Маршала, (A.M.Kelley, Reprints of Economic Classics, New York, xxix & 256 p.)

"The Economic Journal", London, так рецензировал этот труд: Трудно думать о другой книге по экономике, которая была бы написана гимназистом. Эта книга была напечатана в России в 1906 году, и только теперь переведена на английский язык.... Некоторые части изложения теории потребления прекрасны, и многим студентам она будет полезна. Но она говорит голосом прошлого. И будет, главным образом, интересна для историков экономической мысли. (Март, 1965).

В *Истории Русской Экономической Мысли* (издание Института Экономики Академии Наук СССР, Москва, 1966 г., стр.142) эта работа цитируется как труд "буржуазного экономиста В.С. Войтинского, широко известного ныне в капиталистических странах." На страницах 186-88 теория В.С. Войтинского, "русского экономиста-математика", излагается подробно. Предшественниками его называются Вальрас и Парето.

1) *Вопросы Жизни*, С.Петербург, 1905, № 9, стр 309-31 и № 10, " 327-57.

2) *Годы Побед и Поражений*, книга первая, 1905 год, З.И. Гржебин, Берлин, 1924, 384 стр.

Вернувшись в Петербург после летних каникул, осенью 1905 года, мой муж решил вступить в РСДРП. Хотя он не был марксистом, события 1905 года все больше приближали его к этой партии. Он обратился к секретарю семинара по политической экономии, который считался "партийным" социал-демократом. Тот оказался членом большевистской фракции и завербовал в нее неопытного. Нужно, однако, признать, что хотя новый социал-демократ не был знаком с обозначением РСДРП и еще меньше знал в чем состояли разногласия между обоими крылами партии, он быстро освоился с группой, к которой был причислен, так называемой "ораторской коллегией", и чувствовал себя хорошо в этой бойкой, революционной среде.

Время само было революционное, и для студента, свободно владеющего устным и письменным словом, и со всем пылом молодости отдававшегося борьбе за свободу, открылось широкое поле деятельности. Этот период русской жизни автор описал в первой книге своих воспоминаний, в которой оживает настроения студенчества, рабочих и крестьян в разгар освободительного движения. 1) Волна революции достигла апогея при всероссийской забастовке рабочих, железнодорожников, городских и коммерческих служащих и при волнениях в деревне и даже в армии и флоте. Было от чего гореть, чем увлекаться, чему отдаваться юноше, который с детства не знал школьного товарищества, а жил среди книг в семейном уединении. Даже повторные аресты скорее интриговали его, как приключения, чем озабочивали или пугали.

В конце 1905 года стало ясно, что правительству удалось разгромить революцию. Начались аресты, казачьи экспедиции в деревню, репрессии против печати... Военные суды были введены во многих местах. Пошли увольнения рабочих, замешанных в политических выступлениях или забастовках. В Петербурге сначала стали закрываться казенные заводы; затем, при поощрении правительства, начались локауты на частных предприятиях. Эти события описаны в данной книге, и я не стану на них останавливаться. Чего в ней не рассказано, это какую роль сыграл мой муж в создании движения, которое охватило всю безработную массу столицы и привлекло к участию в нем больше 100,000 работающих рабочих.

В столовых для безработных "зародилась и созрела мысль идти в Городскую Думу требовать общественных работ. Отсюда и вышел Совет Безработных".

Кто-то пустил по столовым безработных листы с требованием общественных работ. Как бы само собой безработные сговаривались в столовых, выбирали своих представителей, депутаты собирались, стараясь внести в начатое дело планомерность и организованность... "Безработные стали поговаривать о том, чтобы послать депутацию в Городскую Думу". Таким путем возник Совет Безработных. На протяжении всей книги развитие движения безработных и деятельность Совета происходили как бы само собой, без упоминания

1) 1905-ый год.

роли председателя Совета.

Когда знакомился с размахом движения безработных, его попыткой вызвать подобное же движение в других частях страны и объединить его, с установлением постоянной связи с рабочими на заводах и фабриках, поддержкой бастующих и их семейств, с выдачей 13,000-14,000 обедов в день, со сношениями с Городской Думой и Городскими Комиссиями, с изданием своей газеты, писанием и печатанием воззваний и статей в газетах и журналах, ежедневной проверкой порядка на работах, раскинутых на значительном расстоянии друг от друга, то становилось ясно, какая исключительная энергия требовалась для единоличного руководства всеми этими операциями. Чтобы только "стоять на месте" и сохранять более или менее "нормальный" порядок, при постоянных затруднениях, создаваемых то реакционными городскими властями, то полицией, то неудачно составленной Комиссией, то экстремистами с их анархической пропагандой, то просто хулиганами, требовались исключительная идейность и воля. Правда, председатель Совета нашел среди безработных и, главным образом, среди работающих рабочих, людей, хотя и без образования, но надежных и в смысле личных качеств, и в политическом отношении, - людей, с которыми он работал дружно и к которым искренно привязался.

Ясно, что сам председатель вырос на этой работе и что, дав много движения и умея расти на работе, он много и получил. Весь во власти революционного настроения, которым еще была полна молодежь в то время, он пришел с большой долей идеализации рабочего класса не только от изучения исторической роли рабочих в прогрессивных движениях в России и в других странах, но и от непосредственных впечатлений во время революционного взрыва, только что вместе с ними пережитого. Теперь ему пришлось увидеть оборотную сторону жизни в рабочей среде. Он не отступил перед пьянством, хулиганскими выходками, разными злоупотреблениями, драками и даже поножовщиной, но боролся с ними - воспитательной работой, с одной стороны, и твердыми мерами в форме штрафов, запрещения являться на работу, и даже увольнения с работ. Он так вошел в эту новую и совершенно для него незнакомую среду, что при своих 21 годах он уверенно пишет:

Только те, которые совершенно незнакомы с рабочим классом, могут изумляться тому, что на общественных работах, куда попали герои октябрьской и ноябрьской забастовок и жертвы декабрьской реакции, рабочей организации пришлось бороться с алкоголизмом и хулиганством.

Но и борясь со всеми недостатками и преступлениями со стороны безработных, их председатель ни на миг не терял сочувствия к их положению и ни на миг не забывал, что привело их к нравственному падению. Хотя он нигде не говорит о своей личной роли в движении безработных, читатель не

может не видеть его самого: его заботливое отношение к людям, понимание их, желание поднять в них чувство собственного достоинства, с одной стороны; его трезвость в оценке людей и политической обстановки, его детальное знакомство с технической стороной общественных работ и с финансовыми проблемами, его твердость в переговорах с Городской Думой и с его собственной политической партией, наконец, его способность изложить в литературной форме историю движения безработных и осветить ее со всех точек зрения в течение очень короткого времени.

Казалось бы, что Совет Безработных в составе председателя - студента второго курса - и нескольких ответственных рабочих мог бы удовлетвориться той поистине гигантской работой, которую они взвалили на себя. Однако, Совет ставил себе более широкие задачи. Учитывая политический подъем, связанный с Государственной Думой, и представляя единственную активную беспартийную организацию петербургских рабочих, Совет пытался объединить все политические и экономические рабочие организации столицы. Но из этой попытки ничего не вышло, так как каждая социалистическая партия выставляла свой план организации и стала проводить его, не считаясь с другими планами.

План Совета был почти единогласно отвергнут Петербургским Комитетом С-Д партии. Так как на него особенно резко нападали меньшевики, то редакция большевистской газеты "Жд" предоставила председателю Совета Безработных стоиц своей газетой для кампании в пользу этого плана. Но быстро наивнувшиеся события - разгон Государственной Думы, восстание в Кронштадте и Свеаборге, неудавшаяся всеобщая забастовка в Петербурге, массовые аресты и введение военно-полевых судов - убили вопрос об организации рабочих масс.

Другая попытка Совета - объединить движение безработных в один общенациональный поток - тоже не удалось. В виду известий о возникновении Совета Безработных в других частях России, Петербургский Совет выпустил в конце мая 1906 года особое обращение в форме плаката в количестве 50,000 экземпляров и разослал его по всем городам. Целью этого обращения было - дать им отчет в том пути, которым Совет шел в Петербурге, в задачах, которые он себе ставил, и в результатах, достигнутых им в его борьбе за хлеб и работу. Это обращение сыграло некоторую роль в развитии всероссийского движения безработных, но никаких шагов к объединению с Петербургским Советом не последовало.

Когда останавливаясь на деятельности председателя Совета, то прежде всего обращает внимание те исключительные требования чисто физического характера, которые она ставила, а именно: без огромной выносливости, огромной энергии и абсолютного бесстрашия эта деятельность просто не была бы возможна. Быть с утра до ночи, а при необходимости,

чуть ли не от утра до утра, на постройках мостов и земляных работах зимой при петербургском климате, среди недовольных, измученных нуждой и непривычной работой людей, где каждую минуту мог вспыхнуть бунт, где из-за угла могут убить, как убили двух инженеров во время обхода работ, для этого нужно было, прежде всего, железное здоровье.

Но если требования физического порядка были велики, то моральные требования были еще выше, даже если бы Советом Безработных руководил не студент, а политический деятель с большим жизненным опытом и привыкший к управлению разными организациями и предприятиями. Во всем социалистическом центре не нашлось никого, кто бы захотел взять на себя эту тяжелую и ответственную работу, или хотя бы разделить ее с книшей-книжником, выросшим в условиях, в которых ему не приходилось сталкиваться с простейшими практическими вопросами. Характерно, что мой муж не поднимает этого вопроса. Наоборот, рассказывая о сложной обстановке, в которой Совету приходилось вести свою деятельность, он оценивает, как помощь и поддержку со стороны социал-демократической партии, тот факт, что Совет мог пользоваться ее типографскими возможностями для печатания его воззваний, и столбцами ее газет для описания положения среди безработных. Уже то, что его товарищи по партии не нападали на него и Совет, он, повидимому, считал поддержкой, хотя ему и среди них приходилось не раз защищаться против обвинений в мелко-буржуазности.

Как ни трудны и подчас тяжелы были условия работы среди безработных, он не забывает, почему многие из них опустились. Даже когда он признается себе, что его работа начинала терять какое бы то ни было политическое оправдание, он говорит себе, что "с такой армией нельзя победить, но и оставить такую армию нельзя."

Политическая ориентация автора. Из истории движения безработных в Петербурге видно, что несмотря на формальное членство автора в большевистской фракции социал-демократической партии его тянуло к широкому социалистическому движению. При каждой возможности он стремился к объединению фракций внутри партии и к расширению деятельности партии. Свою организацию Совета Безработных он создал как организацию беспартийную в рамках социалистического мировоззрения. Он почти не проявлял интереса к фракционным разногласиям и при случае высказывал еретические предложения поддержать меньшевистское выступление, если оно ему казалось правильным, к негодованию твердых большевиков.

А затем, началась эпопея среди безработных, которая длилась почти два года, и велась в рамках беспартийности.

Правда, и в годы связи с безработными были моменты возвращения к политической жизни страны и к участию в избирательной кампании в Государственную Думу, но фракционная преданность моего мужа оставалась под сомнением. Дело

в том, что не будучи знаком со всеми перипетиями и с историей внутрипартийной борьбы, он склонен был смотреть на ожесточенную полемику между меньшевиками и большевиками, как на "спор между сектантами, которые, собственно говоря, во всем согласны между собой и расходятся лишь в не имеющих значения мелочах". Впервые он встретился с одним из представителей меньшевизма (Мартыновым) в условиях, в которых длительная дискуссия была возможна: в тюрьме, для скоротания времени, он предложил обсудить партийную платформу. Арестованных выпустили через два-три дня, но это время они провели в беседе. Хотя, по мнению присутствующих, большевистская точка зрения, представленная им, оказалась сильнее, автор данной книги признает, что

"... впервые мне пришлось задуматься над различием большевистской и меньшевистской тактики, и я почувствовал, что нельзя отмахнуться от меньшевизма, как от мелко-буржуазного соглашательства" .... Коротко, эта тюремная дискуссия нанесла чувствительный удар моему большевизму." 1)

В 1924 г., когда он писал свои воспоминания, он подчеркивал, что в 1905-1906 годах он "по-обывательски" оценивал кипевшую внутри партии борьбу:

Не раз подымал я в Комитете [большевистском] вопрос о том, что следовало бы призвать к порядку товарищей, черезчур зарывавшихся во фракционных спорах. Но не в резкости полемики была суть, а в том, что взгляды обоих течений были действительно непримиримы, и именно в 1906-1907 гг. перед партией стояли вопросы, на почве которых представители этих двух течений должны были сталкиваться, как враги. 2)

Я привожу выдержку из воспоминаний, которая этот вопрос полностью освещает:

При подготовке к общепартийному съезду я поставил вопрос: как согласовать дисциплину внутри фракции с дисциплиной в партии? Если мы с меньшевиками составляем одну партию, нужно сообща искать решения стоящих перед партией вопросов. Только тогда мы сможем дружно проводить найденное решение. Если же, напротив, меньшевики наши враги, и никакое соглашение с ними невозможно, нужно разойтись, образовать две самостоятельные партии и не обманывать рабочих разговорами о партийном единстве. Исходя из этих соображений, я предложил: на пред-

1) На Угробе Революции, стр. 40-41.

2) Там же, стр. 108.

стоящем съезде решать все вопросы в пленуме, без фракционных совещаний.

Ну и досталось же мне за эту "малиновшину" от товарищей. Снисходительнее других отнесся к моей "ереси" сам Ленин. Он объяснил мое выступление тем, что я незнаком с обстановкой партийных съездов, и выразил свою уверенность, что на предстоящем съезде я буду действовать, как приличествует дисциплинированному большевику.

Но возражения товарищей не поколебали моей уверенности в возможности оздоровить партийную жизнь предложенным мною способом. Я твердо стоял на своем и потому, поблагодарив Ленина за лестное мнение обо мне, заявил:

- Если вы поручите мне представлять на съезде петербургский организованный пролетариат, я буду выполнять свой мандат, считаясь лишь с партийной дисциплиной и отвергая всякую дисциплину фракции.

Части рабочих большевиков моя позиция понравилась. Но комитетчики почти все были против меня.

Когда пришло время составлять списки кандидатов на съезд, большевистский центр решил меня в делегаты не пропускать. Решение было принято с мотивировкой, в которой не было для меня ничего обидного и которую я мог бы считать даже лестной. Большого желания ехать на съезд и воевать там с товарищами у меня не было. Я принял устранение моей кандидатуры без малейшего неудовольствия и считал, что вопрос этим исчерпан. Но некоторые члены "ораторской коллегии" запротестовали и решили проводить отвергнутого кандидата на съезд. Кампания, вообще, была нелепая, так как ни у меня, ни у товарищей, проводивших меня на съезд, не было никакой особой платформы, отличной от платформы П.К. [Петербургского Комитета]. У меня лично было еще хоть "особое мнение" по вопросу о дисциплине и фракционной политике. А у моих "сторонников" и того не было, было лишь оппозиционное настроение по отношению к центру.

В конце концов, когда подсчитали голоса во всех районах, оказалось, что за список П.К. подано, если память меня не обманывает, около 4,000 голосов, а за меня лично около 3,000 голосов. Таким образом, я оказался обладателем шести мандатов на съезд. 1)

Петербургский Комитет предложил победившему кандидату или ехать на съезд во главе независимой группы, или передать его голоса партийному большевистскому центру. Он выбрал последнее, и при следующей встрече Ленин сказал ему:

"Вас может быть удивляет, почему мы не утвердили ваших выборов. Я возражал против вашего присутствия в делегации. Я знал, что вы будете голосовать с

1) На Угробе Революции, стр. 197-99.

меньшевиками, если их позиция вас удовлетворит больше, чем наша. Что было бы хуже всего, многие делегаты будут колебаться, и если вы уйдете, они уйдут вместе с вами. Прав ли я?"

"Вы правы", я ответил. Я не принял бы мандата с фракционными обязательствами. Больше того, я не оставил бы безработных ради партийного съезда.¹⁾

В дальнейшем, автор данной книги вел литературную и политическую работу, насколько это было возможно в тюрьме и позже в ссылке, в тесном контакте с социалистами всех толков - социал-демократами и социалистами-революционерами. Только когда социал-демократическая партия формально раскололась на меньшевиков и большевиков в 1917 году, он официально присоединился к меньшевикам, выступив в последний раз против Ленина на собрании большевистской группы.

Дальнейшая судьба автора. В томе, посвященном памяти автора данной книги, *So Much Alive, Life and Work of Vladimir S. Woultapak*, отмечены основные этапы его жизни и научного и литературного творчества. Но жизнь его была так необычна и разнообразна, что ни этот том, ни его собственные воспоминания не дают полной картины. Тем не менее, это возможно сделать на страницах этой книги, где я попытаюсь наметить только отдельные характерные моменты.

Мой муж написал этот труд в несколько месяцев на ла-че отца в Териоках (Финляндия). По возвращении в Петербург, где он больше не мог ни открыто участвовать в политической борьбе, ни продолжать университетские занятия, он решил уехать оттуда. Ленин предложил ему ехать с ним за границу и участвовать в большевистском журнале, обещая ему полную независимость в высказывании его взглядов. Мой муж отказался не только потому, что он уже тогда понимал, что "независимости" в работе с Лениным быть не может. 2) Как он объясняет в своих воспоминаниях, он уже не чувствовал себя "настоящим большевиком", хотя большевизм увлекал его "своей прямой революционностью, своей простотой, своей близостью к стихийным движениям рабочих масс". Его связывал с ним "дух буйтарства, отвечавший тогда моим настроениям и уровню моего развития в то время. Но мне была чужда сектанская нетерпимость большевизма."

Еще серьезнее были для него моральные возражения против отъезда за границу. Из тех, которые шли за ним и его призывами к борьбе, многие были в ссылке или тюрьме, другие поплавились жизнью. Он не чувствовал себя в праве уклониться от последствий, которые другие встретили так мужественно.

1) *Stormy Passage*, стр. 123, Vanguard Press Inc., New York, 1962.

2) *На Умере Революции*, стр. 251.

Надежда Крупская, жена Ленина, предложила ему тогда на выбор два города - Баку и Екатеринослав - для партийной работы. В Баку его задачей была бы борьба против меньшевистского влияния; он выбрал Екатеринослав, где партия была очень слаба и не было фракционной борьбы. Он пытался поставить там нелегальную газету и наладить организацию, но был вскоре арестован и отправлен в Екатеринославский Централ, одну из самых ужасных тюрем тогдашней России. Там мой муж оказался в одном коридоре со смертниками, видел как их вели на виселицу, перенес эпидемию тифа и избиения, сам симулировал сыпной тиф, чтобы быть переведенным в тифозный барак и оттуда бежал. Он чуть не погиб, сначала от "снадобья" для симуляции, затем от близости к тифозным больным и от холода в бараке и, наконец, при попытке бегства.

Описания его переживаний в тюрьме, его борьбы против тюремщиков и защиты заключенных - политических и уголовных - против системы насилия и беззаконности печатались в лучших журналах России, рисковавших штрафами и закрытием даже в то время, когда сам автор был в тюрьме. Они печатались за подписью "С" пока он был на каторге, и за его собственной фамилией в сибирской ссылке. 1)

Несмотря на ужасный режим, постоянное недоедание и холод в Екатеринославском Централье, мой муж продолжал научную работу и в 1910 году, еще на каторге, напечатал книгу *Заработная Плата*. 2)

В ссылке мой муж продолжал литературную работу по разоблачению условий в тюрьме - как в Екатеринославском Централье, в котором он был заключен, так и в Орловском Централье - о зверском режиме, в котором он узнал от людей, чудом уцелевших после истязаний в этой тюрьме. 3) Там же, в Сибирской ссылке, он занялся изучением Сибири и напечатал ряд очерков о своих путешествиях и странствованиях по огромным сибирским пространствам. В 1916 году он переиздал

1) "Смертники", *Вестник Европы*, 1910, в июле и августе; "Суд Победителей", *Русское Богатство*, 1911, июль; "За железной решеткой", *Русское Богатство*, 1912, июль, июль и август, и другие статьи.

2) С. Петербург, *Правда*, 106 стр.

3) "О каторге", *Правда*, 1912; "Воскресшие", *Современный Мир*, 1912; "После Взрыва", *Русское Богатство*, 1913; там же "Призраки", 1913; "Правда об Орловском Централье", которую цензура не пропустила в России, была напечатана в Голландии. Оригинал этой статьи хранится в Нью-Йоркской Публичной Библиотеке, куда ее слал Георгий Кеннан, исследователь российских тюрем и ссылки. Кто именно и при каких обстоятельствах передал эту рукопись Кеннану из Амстердама, мне не удалось выяснить. В 1914 году В.С. Войтинский напечатал статью "Арестантские могилы" в *Ново-Жизни*. Хотя журнал воспроизвел только часть этого очерка, написанного еще в Александровском Централье, он был закрыт. Три очерка "Смертники", "За железной решеткой" и "После взрыва" были перепечатаны в виде сборника под общим заглавием "Вне Жизни", в 1914 году в Петербурге.

некоторые из них в небольшом томе, "В Тайге". 1) Он также изучал положение и историю евреев в Сибири, по предложению еврейской общины в Иркутске. 2)

Первая мировая война вернула моего мужа к политической современности. Он отозвался статьей "Все против Всех" в Сибирском Журнале в 1914 году и другой "Восходящая Россия" в Сибирском Обзоре в 1915 году. Он же организовал печатание этих двух журналов, каждый из которых закончил свое существование на первом номере.

Последней большой научной работой в Сибирской ссылке была его книга "Рабочий Рынок Сибири во Время Войны". Он также заведовал статистикой при военной продовольственной миссии ген. Козлова, который, конечно, знал кто писал его доклады, но также знал качество докладов, получаемых от серьезного статистика, и те похвалы, которые он сам получал за них из Петербурга.

Революция 1917 года вернула моего мужа в Петроград. Его деятельность - политическая, литературная, а также в качестве редактора Известий Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (вместе с Ф. Давидом) и позже комиссара Северного фронта - описана им в "Stormy Passage". Изданием посмертно. Затем последовали годы заграничной, где автор вернулся к научной работе. "Die Welt in Zahlen", семитомная статистическая энциклопедия, первая в своем роде в мировой литературе, подготовленная в 1924-29 годах при моем участии, без какой бы то ни было технической помощи, дала ему известность не только в Германии, где мы жили, но и далеко за ее пределами как в Европе, так и в Новом Мире. 3)

Особенно занимала его идея объединения Европы: его первой книгой на эту тему была "Объединение Штатов Европы", на немецком и французском языках, и следующей - "Факты и Числа Европы". 4) В конце 1929 года, после выхода в свет статистического тома, посвященного Германии, 5) мой муж принял на себя руководство статистическим отделом Центрального Союза свободных предпринимателей в Германии, разбив статистику занятости и безработицы в Германии, разбив рабочих на две основные группы - сезонных и несезонных, и напечатал методологии и результаты классификации в труде "Der Deutsche Arbeitsmarkt". 6) Одновременно он разгруппировал коллективные договоры по их основным категориям и положил, таким образом, начало новой статистике труда в Германии, где

- 1) "В Тайге", Книга, Петроград, 1918 г.
- 2) "Евреи в Иркутске", первая часть, Иркутск, 1915 г.
- 3) "Die Welt in Zahlen", 7 томов, Rudolf Mosse, Берлин, 1924-28.
- 4) "Die Vereinigten Staaten von Europa", J.H.W. Dietz, Berlin, 1926; и "Les Etats Unis de l'Europe", Eglantine, Brüssel, 1927;
- 5) "Tatsachen und Zahlen Europas", Paneuropa, Wien, 1930;
- 6) "Zehn Jahre Neues Deutschland", Rudolf Mosse, Berlin, 1929
- 6) "Der Deutsche Arbeitsmarkt", ADGB, Berlin, 1930.

его работа была принята и продолжена Центральным Статистическим Управлением.

Уже в 1930 году мой муж начал ощущать признаки приближающейся экономической депрессии. Его новая статистика труда, различавшая между структурной и конъюнктурной безработицей, ясно отражала опасные симптомы кризиса, и с этого года он стал обращать внимание профессиональных союзов на надвигающийся кризис. В 1931 году он выпустил книгу о необходимости борьбы с кризисом, доказывая, что дефляция представляла не менее опасную болезнь для экономической жизни стран, чем инфляция, 1) но его голос был голосом вопиющего в пустыню. Весь научный и правительственный аппарат Германии стоял на точке зрения автоматизма: кризисы неизбежны в капиталистическом хозяйстве, но они несут в самих себе зародки выздоровления. Главным рецептом для выздоровления считались понижение цен и заработной платы; всякое вмешательство в этот естественный процесс опасно.

Мой муж боролся в Германии, но картины петербургской безработицы и ее разрушительного действия на общество и рабочий класс оживали перед его глазами. Он также ясно видел как и в России в 1908 году, что миллионы безработных в Германии приведут страну к катастрофе, если политическое руководство не сумеет или не захочет обеспечить им "хлеб и работу". Длинный список его статей и докладов на те же идеи, которые в Англии проповедывал Кейнс, показывают, с какой остротой он переживал неизбежную, по его мнению, катастрофу и апатию политических сил, в особенности тех сил профессиональных союзов и социал-демократической партии, которые ему были ближе других. Он нашел сторонников в лице Тарнова, председателя одного из видных союзов, и Баале, главы исследований по сельскохозяйственной торговле, с которыми он подготовил "Программу для создания работ", так называемый В-Т-Б План, по начальным сукам фамилий инициаторов Плана - Войтинский, Тарнов, Баале. - По мнению Баале,

"Самый значительный вклад в В-Т-Б План, и этим самым в формулировку программы активной экономической политики, за несколько лет до Кейнса, был внесен Владимиром Войтинским... В виду этого, он должен быть признан интеллектуальным лидером той маленькой группы, которая подготовила В-Т-Б План. Когда обсуждается вся дискуссия 1920-х и начала 1930-х годов, нужно признать, что он был самым выдающимся лидером в этой группе, стоявшей за активную экономическую политику". 2)

- 1) "Internationale Hebung der Preise als Ausweg aus der Krise", Frankfurter Gesellschaft für Konjunkturforschung, Hans Buske Verlag, Leipzig, 1931;
- 2) "Fritz Baade, Fighting Depression in Germany", в "So Much Alive", The Life and Work of Vladimir S. Woytinsky, ed. by Emma S. Woytinsky, Vanguard Press Inc. New York, 1962, стр. 62.

Но как и в Петербурге, социал-демократическая партия Германии была против него по другим соображениям, конечно: В 1920 годах Германия пережила инфляцию фантастических размеров, и страх новой инфляции закрывал глаза на все другие опасности. С-д партия не нашла в себе силы взять на себя риск дефицитной политики общественных работ, но этого не испугался Гитлер. Начав вооружение страны, он дал работу миллионам людей, погибавших от безделья и нужды, и повел страну за своей безумной и губительной политикой.

Мы оставили Германию в 1933 году, когда Гитлер потребовал от профессиональных союзов участия в нацистском параде 1-го мая, и союзы сочли себя вынужденными пойти на это. Мой муж не мог принять участия в этом параде и вышел в отставку. Он продолжал бороться за свои идеи в Европе; его статьи на экономические темы печатались во многих странах. Международное Бюро Труда выпустило две его книги - одну на трех языках и вторую - по-французски и английски.¹⁾

В 1935 году мы переехали в Соединенные Штаты, где сразу открылось широкое поле для научной работы моего мужа. Почти с первого же дня по приезде (приехав в Вашингтон во вторник вечером, он начал работать в Центральном Статистическом Управлении в четверг утром). Он был вовлечен в работу по социальному страхованию. В спешном порядке он создал статистические основы для только что введенного социального законодательства, почему он и считается одним из строителей социального страхования в Соединенных Штатах.²⁾ Впоследствии он работал с Social Science Research Council, который напечатал пять его книг по вопросам труда,³⁾ и Министерством Социального Страхования, которое выпустило его работу по страхованию от безработицы. Эта работа легла в основание деятельности отделов по страхованию от безработицы во всех штатах этой страны.⁴⁾

Вторая мировая война вернула моего мужа к общенациональным экономическим проблемам, в особенности к вопросу о послевоенных перспективах для американской экономики.

- 1) "Three Sources of Unemployment", International Labor Office, Geneva, 1935.
- 2) Jacob Perlman, "An Architect of Social Security, in So Much Alive."
- 3) "The Labor Supply in the United States", 1936; "Labor in the United States. Basic Statistics for Social Security, 1937; "Seasonal Variations in Employment in the United States, 1939; "Three Aspects of Labor Dynamics", 1941; "Earnings and Social Security in the United States", 1943.
- 4) "Principles of Cost Estimates in Unemployment Insurance", GPO, Washington, 1948.

В то время, когда почти все американские экономисты предсказывали значительную безработицу после войны и демобилизации и связанную с этим депрессию, он предвидел экономическое оживление и расцвет промышленности. Он был почти одиночкой, и Лео Греблер пишет так об этом периоде:

...Войтинский имел смелость стоять за свои убеждения. Когда он приходил к какому-нибудь заключению, он защищал свою позицию, не допуская его обычной скромности мешать ему. Наиболее исключительный пример этого качества он проявил, конечно, в связи с его ранними прогнозами послевоенного экономического положения в Соединенных Штатах. Его прогноз, наиболее полно выраженный и широко известный, резко расходился с предсказаниями тяжелого послевоенного кризиса. В атмосфере Вашингтона во время войны и в первый год после нее его взгляды не помогали приобретать друзей и влиять на людей, даже сохранять друзей и влияние. Но он не колебался и, казалось, даже охотно воевал, когда предмет спора стоил борьбы. В результате, его прогноз оправдался, он не потерял друзей и много новых друзей к нему присоединились.¹⁾

В этой же книге Жорж Гарви подробно анализирует его предсказания о послевоенной экономике Соединенных Штатов и описывает ту атаку на них со стороны сплоченной группы почти всех, работавших для правительства и деловых кругов экономистов, которую их автор отражал единолично со спокойной невозмутимостью человека, уверенного в правоте своих взглядов. Там же Юван Клейг разбирает эти прогнозы послевоенной экономики и дополняет историю этого периода личными впечатлениями от некоторых особенно ярких моментов этой научной дискуссии.²⁾

Перипетии этой борьбы заполнили много столбцов в экономических журналах и повели ко многим дискуссиям на разных съездах и собраниях. Торжество пришло, когда прогноз моего мужа полностью оправдался и когда журналы, которые, не доверяя его предсказаниям, прежде отказывали в печатании его статей, стали настойчиво приглашать его. С этого момента его авторитет экономиста был признан безоговорочно.

В 1947 году он оставил государственную службу, чтобы целиком отдаться двум большим научным работам: одна была посвящена исследованию условий труда в Соединенных Штатах во всех их проявлениях; другая представляет двухтомный труд, покрывающий все области мировой экономики. Первая

- 1) "Reflections on Vladimir Woytinsky's Impact" in "So Much Alive", Vanguard Press Inc., New York, 1962, стр. 26-29.
- 2) "Forecasting the American Economy", by George Garvy, and "Wartime and Postwar Projections", by Ewan Clague, там же.

работа вышла в 1953 году. 1) Автор подготовил основной план, написал половину текста, привлёк ряд специалистов по отдельным вопросам рабочего рынка и отредактировал всю рукопись, придав ей характер единства.

Вторая работа была выполнена исключительно нами обоими без какой бы то ни было посторонней помощи. Эти два тома покрывают все основные отделы мировой экономики и демографии, и потребовали семь лет непрерывной работы. 2)

По окончании этих двух трудов, мы совершили две длинные лекционные поездки - на Дальний Восток (в Японию, Индию, Пакистан, Цейлон, Бирму, Тайланд и Гон-Конг) и в 15 стран Латинской Америки. Во время этих поездок мой муж читал лекции по международной и американской экономике в университетах, профессиональных союзах, на общих собраниях, перед ассоциациями промышленников, банкиров и других организаций.

В последние годы своей жизни он писал вместе со мной обзор политического, социального и экономического строя Соединенных Штатов для немецкой энциклопедии социальных наук, 3) и аналитическую работу об уроках экономических рецессий, перенесенных Соединенными Штатами. 4) Эта работа подчеркивает, что американская экономика стала гораздо более устойчивой, чем в прежние годы, и что она теперь снабжена разными мерами, задерживающими ее от острых потрясений. Но если кризисы 1929 года стали невозможны или почти невозможны, то экономические рецессии типа 1949 или 1954 года могут повторяться. Основная задача поэтому заключается в том, чтобы следить за первыми признаками замедления в экономической жизни страны, и принимать меры к их устранению вкачиванием государственных средств в сжимающуюся экономику, т. е. прибегать к активной экономической политике.

Таким образом, круг завершился: в жизни автора этого труда были три момента борьбы за активную экономическую политику. Еще юншей он боролся против безработицы в Петербурге; он неутомимо боролся против безработицы и экономического кризиса в Германии; и его последняя

- 1) "Employment and Wages in the United States," with Associates, The Twentieth Century Fund, New York, 1953.
- 2) "World Population and Production, Trends and Outlook," "World Commerce and Governments," Trends and Outlook," both with E.S. Woytinsky as co-author, New York, 1953 and 1955.
- 3) "Die Vereinigten Staaten von Amerika" Handwörterbuch der Sozialwissenschaften, Tübingen, Germany, 1960.
- 4) "Lessons of the Recessions," Public Affairs Institute, Washington, D.C. 1959.

ГОС. БИБЛИОТЕКА
ПЕТЕРБУРГА
1961

работа в Соединенных Штатах - как бы его научное завешание, представляет призыв к активной экономической политике для предупреждения или, по меньшей мере, ослабления возможных будущих задержек в развитии американской экономики.

Уже в постели он закончил свой последний значительный труд - свои воспоминания. Они были напечатаны после его смерти на шести языках, помимо английского. 1)

xxx

Библиография литературной деятельности моего мужа, состоящая из 425 номеров, была напечатана в 1961 году, 2) и имеется вместе с полным комплектом всех его напечатанных работ в специальной библиотеке Колумбийского университета. Такие же коллекции имеются в Мичиганском университете (Анн Арбор), Лондонском университете (в Англии) и университете Альберты (Эдмонтон, Канада), а также в Библиотеке Конгресса (Вашингтон).

Эмма С. Войтинская.

- 1) "Stormy Passage", Vanguard Press Inc., New York, 1961.
- 2) "Bibliography of the Writings of W.S. Woytinsky", prepared by Emma S. Woytinsky, Washington, D.C., 1961.